

УДК 34

Отдельные вопросы толкования завещаний при изменении завещанного имущества

Швайка Артур Евгеньевич

Аспирант,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82;
e-mail: aeshvaika@mail.ru

Аннотация

Нет сомнений в праве каждого распорядиться имуществом по своему усмотрению на случай своей смерти. Принцип свободы завещания позволяет завещать имущество любым лицам либо, напротив, лишить наследства определенных лиц (ст. 1119 Гражданского кодекса Российской Федерации). Однако принцип свободы завещаний теряет всякий смысл, если текст завещания будет интерпретирован неверно, то есть когда воля наследодателя не будет исполнена в соответствии с его намерениями и пожеланиями. Для этих целей современный ГК РФ впервые предусмотрел специальные правила толкования завещания в статье 1132 ГК РФ. На первый взгляд они мало чем отличаются от положений статьи 431 ГК РФ, посвященной толкованию договоров. В то же время такие особенности завещания, как его односторонний характер, исполнение положений не ранее смерти наследодателя, право составителя завещания в любой момент отменить или изменить его, не позволяют механически применять к завещанию методы и принципы толкования договоров.

Для цитирования в научных исследованиях

Швайка А.Е. Отдельные вопросы толкования завещаний при изменении завещанного имущества // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 1А. С. 191-196.

Ключевые слова

Завещание, имущество, принцип свободы завещания, наследство, наследодатель, воля.

Введение

В общем виде можно выделить два подхода к толкованию завещаний: субъективный и объективный. Первый ставит во главу угла поиск истинного намерения завещателя, второй – отдает приоритет тому, как выражена воля лица в знаках, символах и т.д. [Швайка, 2020, 61]. В литературе распространена точка зрения о том, что положения статьи 1132 ГК РФ отдают приоритет буквальному толкованию завещания, то есть следованию объективному подходу [Петров, 2006, 133]. Однако свой «след» оставляет субъективный подход, который выражен во втором абзаце статьи 1132 ГК РФ: «...*При этом должно быть обеспечено наиболее полное осуществление предполагаемой воли завещателя*». Причем сегодня в судебных актах можно встретить прямую поддержку субъективного подхода: «*Таким образом, законодатель безусловным приоритетом считает именно волю завещателя*»¹.

Основная часть

Ключевой особенностью толкования завещаний является то, что все методы, принципы и способы толкования должны преследовать единственную цель – обеспечить наиболее полное осуществление предполагаемой воли завещателя (абз. 2 ст. 1132 ГК РФ). С достижением этой цели не возникает сложностей, когда на момент смерти наследодателя, во-первых, живы все лица, которые в точности совпадают с их описанием в завещании, и, во-вторых, попавшее в наследство имущество также полностью совпадает с его описанием в завещании. Соответственно, когда одно из правил не соблюдается, то возникает необходимость прибегать к специальным правилам толкования и даже иногда допрашивать волеизъявление наследодателя в поисках его предполагаемой воли. Таким образом, необходимость толкования завещания возникает в двух группах случаев:

а) толкование применительно к лицам, когда при распределении наследства в соответствии с завещанием возникает неясность относительно личности наследников (например, несколько лиц соответствуют описанию наследника в завещании);

б) толкование применительно к имуществу, когда возникает неясность в вопросе о том, какое конкретно имущество из наследства подлежит передаче наследнику [Швайка, 2022, 101–118].

Российские суды все чаще сталкиваются со второй группой споров. В отсутствие устоявшейся практики и разъяснений на уровне Верховного Суда судьи вынуждены интуитивно искать верное решение для поиска предполагаемой воли наследодателя.

Наибольший интерес представляют ситуации, когда ни одна вещь в наследстве в точности не совпадает с описанием в завещании, но имеется вещь, частично совпадающая с описанием или имеющая некоторую связь с завещанным имуществом. В такой ситуации перед интерпретатором стоит выбор: не передавать наследнику ничего, поскольку в наследстве нет имущества, в точности совпадающего с описанием в завещании, либо попытаться найти, установить тождество или эквивалент имеющейся в наследстве вещи с вещью, описанной в завещании.

На наш взгляд, суды постепенно выбирают второй путь, пытаются отыскать и реализовать

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2024 № 88-14544/2024.

предполагаемую волю наследодателя пусть и в ущерб буквальному толкованию завещания, которое не позволяет достичь указанных целей.

Так, в одном из дел наследодатель завещал наследнику 1/2 долю в праве собственности на нежилое здание. В период жизни наследодатель выделил в натуре свою долю в праве на нежилое здание, и, таким образом, на момент открытия наследства ему принадлежал самостоятельный объект – нежилое здание, который приобрел даже иной адрес после выделения. При буквальном толковании наследник не должен получить ничего, поскольку в наследстве отсутствует завещанная ему 1/2 доли в праве собственности на нежилое здание, и формально завещанная 1/2 доля в праве собственности на нежилое здание и выделенное в натуре нежилое здание являются разными объектами. Однако суды преодолели этот формализм, установили тождество между завещанной долей в праве собственности и выделенным в натуре жилым зданием, в результате чего передали наследнику целый объект недвижимости².

Аналогичным образом складывается практика по спорам в ситуациях, когда наследодатель завещал квартиру, но на момент открытия наследства он владеет только правами долевого участия в строительстве: суды признают за наследниками право наследовать принадлежащие наследодателю права долевого участия³.

Вероятно, подобных споров можно было бы избежать, если бы люди имели привычку актуализировать завещание каждый раз, когда происходят даже малейшие изменения в завещанном имуществе. Однако в России правовая культура составления завещаний и в целом наследственного планирования находится на стадии развития, и поэтому, вероятно, сложно упрекнуть российского наследодателя в том, что он не отслеживает актуальность своего завещания и не переписывает его в связи с изменениями в завещанном имуществе. Поэтому для интерпретатора чрезвычайно важно принимать максимальные усилия для установления предполагаемой воли завещателя.

По нашему мнению, российские суды идут по верному пути поиска воли завещателя, не ограничиваясь буквальным способом толкования при неясности текста. Об этом свидетельствует изменение направления судебной практики по часто встречающимся в судах спорам о завещании долей в квартире.

Представим, что на момент составления завещания его составитель обладал 1/2 долей в праве собственности на квартиру и, соответственно, указал в завещании на передачу наследнику «доли в квартире». На момент открытия наследства завещатель уже обладает всей квартирой. В суде встает вопрос о том, что получит наследник: всю квартиру или только долю в праве собственности на нее.

Ранее суды толковали завещание буквально, и поскольку наследодатель на момент составления завещания владел только 1/2 долей, то и завещать он мог только эту долю⁴. Однако практика последних лет показывает иную тенденцию: суды находят волю завещателя в том, что он намеревался передать всю имеющуюся у него долю в квартире, которой он будет владеть *на момент открытия наследства*, а не на момент составления завещания. В результате в пользу

² Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.05.2023 № 88-8870/2023 по делу № 2-2495/2022 (УИД 38RS0034-01-2022-001981-36).

³ Определения Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 07.09.2023 № 88-20284/2023, от 04.08.2022 № 88-16860/2022; апелляционное определение Тульского областного суда от 31.10.2013 по делу № 33-2573

⁴ Апелляционное определение Самарского областного суда от 25.04.2013 по делу № 33-3862/2013; Кассационное определение Смоленского областного суда от 27.09.2011 по делу № 33-3101.

наследника присуждают всю квартиру⁵.

Еще один «московский» пример также свидетельствует о движении судов в пользу преодоления буквального толкования ради поиска и реализации истинной воли наследодателя. По обстоятельствам рассматриваемого дела, наследодатель завещает наследнику принадлежащую ему квартиру. В связи с аварийным состоянием дома, в котором находится завещанная квартира, администрация города предоставляет наследодателю иную квартиру по договору мены в рамках «реновации» или иного подобного механизма принудительного изъятия ветхого жилья. После смерти завещателя встает закономерный вопрос: подлежит ли передаче наследнику квартира, полученная от администрации взамен завещанной?

Ранее суды однозначно констатировали невозможность исполнения завещания, то есть наследник не получал ничего. Ключевым аргументом, помимо буквального толкования завещания, было то, что наследодатель после получения новой квартиры имел возможность изменить завещание, но не сделал этого⁶. Важно отметить, такой подход судов часто означает, что полученная от администрации квартира становится незавещанной, то есть переходит обратно администрации в качестве выморочного имущества. В то же время такое решение очевидно расходится с намерением наследодателя: самим фактом составления завещания он стремился избежать признания имущества выморочным, но его намерение игнорируется в такой практике судов.

Однако сейчас можно встретить противоположный подход. В одном из дел из той же категории суд принял во внимание то, что изъятие аварийного жилья осуществлялось не по воле собственника, а в публичных интересах. Исходя из приоритета воли завещателя, а также с учетом ожиданий того, что *«реализация указанного правоотношения обеспечивает его права собственности, в том числе, по передаче принадлежащего ему имущества по завещанию»*, суд отменил судебные акты об отказе в иске наследникам и направил вопрос толкования завещания на новое рассмотрение⁷. Такой подход, на наш взгляд, свидетельствует о верном направлении судов в пользу наиболее полного исполнения предполагаемой воли наследодателя и, следовательно, соблюдения основополагающего принципа свободы завещания.

Заключение

Сложно обобщить или рассмотреть все случаи изменения завещанного имущества после составления завещания, которое происходит в различных формах: превращается в иное имущество, увеличивается, уменьшается и так далее. С одной стороны, наследодателю следовало бы каждый раз актуализировать текст завещания после таких изменений. С другой, если наследодатель этого не сделал, то сегодня у судов есть все инструменты для поиска предполагаемой воли составителя завещания путем его толкования. Анализ рассмотренных дел свидетельствует о верном направлении развития отечественной судебной практики.

⁵ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21.03.2024 № 88-2661/2024, 2-2867/2023; решение Кировского районного суда города Самары от 21.11.2022 № 2-6137/2022; решение Красногвардейского районного суда города Санкт-Петербурга от 26.02.2024 по делу № 2-1187/2024.

⁶ Апелляционные определения Московского городского суда от 04.02.2020 по делу № 33-4577/2020, от 16.10.2017 по делу № 33-42298/2017, от 20.12.2016 по делу № 33-50537/2016, от 07.03.2013 № 4г/8-1397, от 28.08.2014 по делу № 33-31290 и др.

⁷ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2024 № 88-14544/2024.

Библиография

1. Петров Е.Ю. (ред.) Наследственное право: комментарий к статьям 1110-1185 ГК РФ. М., 2018.
2. Швайка А.Е. Обоснование субъективного подхода и допустимости внешних доказательств при толковании завещаний // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 9. С. 45-91.
3. Швайка А.Е. Толкование завещания в случае изменения завещанного имущества до открытия наследства // Журнал «Цивилистика». 2022. № 1. С. 101-118.
4. Basil S Markesinis, H. Unberath, Johnston A. *The German Law of Contract*. Oxford and Portland, Oregon, 2006.

Certain issues of interpretation of wills when changing the bequeathed property

Artur E. Shvaika

Postgraduate student,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 82 Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: aeshvaika@mail.ru

Abstract

There is no doubt about the right of everyone to dispose of property at their own discretion in the event of their death. The principle of freedom of testament allows to bequeath property to any person or, on the contrary, to disinherit certain persons (Article 1119 of the Civil Code of the Russian Federation). However, the principle of freedom of testament loses all meaning if the text of the testament is interpreted incorrectly, that is, when the will of the testator is not executed in accordance with his intentions and wishes. For these purposes, the modern Civil Code of the Russian Federation for the first time provided for special rules for the interpretation of a will in Article 1132 of the Civil Code of the Russian Federation. At first glance, they differ little from the provisions of Article 431 of the Civil Code of the Russian Federation, devoted to the interpretation of contracts. At the same time, such features of a will as its unilateral nature, the execution of provisions not earlier than the death of the testator, the right of the testator to cancel or change it at any time, do not allow the mechanical application of methods and principles of interpretation of contracts to a will.

For citation

Shvaika A.E. (2025) *Otdel'nye voprosy tolkovaniya zaveshchaniy pri izmenenii zaveshchannogo imushchestva* [Certain issues of interpretation of wills when changing the bequeathed property]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (1A), pp. 191-196.

Keywords

Testament, property, principle of freedom of testament, inheritance, testator, will.

References

1. Basil S Markesinis, H. Unberath, Johnston A. (2006) *The German Law of Contract*. Oxford and Portland, Oregon.
2. Petrov E.Yu. (ed.) (2018) *Nasledstvennoe pravo: kommentarii k stat'yam 1110-1185 GK RF* [Inheritance Law:

Commentary on Articles 1110-1185 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow.

3. Shvaika A.E. (2020) Obosnovanie sub"ektivnogo podkhoda i dopustimosti vneshnikh dokazatel'stv pri tolkovanii zaveshchaniy [Justification of the Subjective Approach and Admissibility of External Evidence in the Interpretation of Wills]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF* [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 9, pp. 45-91.
4. Shvaika A.E. (2022) Tolkovanie zaveshchaniya v sluchae izmeneniya zaveshchannogo imushchestva do otkrytiya nasledstva [Interpretation of a Will in the Event of a Change in the Bequeathed Property Before the Opening of the Inheritance]. *Zhurnal «Tsivilistika»* [Journal "Civilistics"], 1, pp. 101-118.